

«Золотой век» русского крепостничества

Яхшиян Олег Юрьевич

Канд. ист. наук, доц. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0003-0097-5193, e-mail: yakhshiyan@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В статье предпринята попытка показать апогей русского крепостничества как один из наиболее существенных прямых и непосредственных результатов преобразований Петра Великого. Собственнический (владельческий) интерес дворян-помещиков в отношении поместных земель и крестьян получил невысказанный прежде импульс вследствие петровского повышения статуса поместий до вотчинного, а также стирания правовой грани между холопами и крестьянами путем превращения тех и других в «ревизские души» в ходе податной реформы. Уже в последние годы петровского царствования власть была склонна отождествлять право помещиков на крестьян с правом на недвижимую собственность в контексте эволюции крепостного права в России. В статье подробно рассмотрена практика раздачи императорами и императрицами земель с крестьянами в собственность в качестве награды за особые заслуги. Автор проанализировал послепетровское законодательство, расширявшее сословные привилегии дворянства и усиливавшее их владельческие права в отношении помещичьих земель и крестьян. Особое внимание уделено практике продажи помещичьих крестьян без земли и с разрывом семей. Историческое значение петровской и послепетровской политики резкого усиления владельческих (собственнических) прав дворян на земли и крестьян в своем имении заключается, прежде всего, в накоплении мощного конфликтного потенциала в российском обществе на долговременную перспективу. Заложённая Петром I и его ближайшими преемниками «мина замедленного действия» в межсословных отношениях помещного дворянства и зависимого от него крестьянства рванет в начале XX в. и породит великую крестьянскую революцию в России.

Ключевые слова

Крепостное право, крепостничество, поместное дворянство, помещичьи крестьяне, владельческие права, сословно-корыстный интерес, собственнический интерес, продажа крестьян, подушная подать

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Для цитирования: Яхшиян О.Ю. «Золотой век» русского крепостничества // Вестник университета. 2022. № 8. С. 28–34.

The “golden age” of Russian serfdom

Oleg Yu. Yakhshiyani

Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0003-0097-5193, e-mail: yakhshiyani@mail.ru,

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article attempts to show the apogee of Russian serfdom as one of the most significant direct and immediate results of Peter the Great’s transformations. The proprietary (proprietary) interest of the landed gentry in relation to the local lands and peasants received a previously unthinkable impulse due to Peter’s elevation of the status of estates to patrimonial, as well as the erasure of the legal boundary between serfs and peasants by turning both into “audit souls” during the tax reform. Already in the last years of Peter the Great’s reign, the authorities were inclined to identify the right of landlords to peasants with the right to immovable property in the context of the evolution of serfdom in Russia. The article discusses in detail the practice of distribution by emperors and empresses of lands with peasants into ownership as a reward for special merits. The author analyzed the post-Petrine legislation that expanded the class privileges of the nobility and strengthened their ownership rights in relation to landlords and peasants. Particular attention is paid to the practice of selling landlord peasants without land and with the separation of families. The historical significance of Peter’s and post-Peter’s policies of a sharp strengthening of the ownership (proprietary) rights of nobles to land and peasants in their estates lies primarily in the accumulation of a powerful conflict potential in Russian society for the long term. The “time bomb” laid by Peter I and his immediate successors in the inter-verbal relations of the local nobility and the peasantry dependent on it will explode at the beginning of the twentieth century, and it will give rise to a great peasant revolution in Russia.

Keywords

Serfdom, local nobility, landowner peasants, ownership rights, estate-mercenary interest, proprietary interest, sale of peasants, poll tax

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of scientific project no. 20-09-42064.

For citation: Yakhshiyani O.Yu. (2022) The “golden age” of Russian serfdom. *Vestnik universiteta*, no. 8, pp. 28–34.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее существенных прямых и непосредственных последствий преобразований Петра Великого стал расцвет крепостнических отношений в России. В решающей мере это было обусловлено повышением владельческого (собственнического) статуса поместий до вотчинного, а также стиранием правовой грани между холопами и крестьянами путем превращения тех и других в «ревизские души» в ходе податной реформы. В отношении помещичьих крестьян, которые составляли более половины всего русского крестьянства, это стремительно повело к утрате практически всех гражданских прав. Вмешательство помещика во все сферы жизни крепостного становилось повседневной нормой [1, с. 252]. Крепостное состояние помещичьих крестьян превратилось в нечто похожее на рабство [2, с. 217]. Нельзя забывать и замалчивать это постыдное явление в истории нашей страны, когда «крещеная собственность» (помещичьи крестьяне-«души») продавалась с разрушением семей, ссылалась в Сибирь, проигрывалась в карты и, случалось, погибала под кнутом и розгами от бесчеловечных наказаний [3, с. 3].

© Yakhshiyani O.Yu., 2022.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Социальным мотором крепостнического «ренессанса» в России XVIII в. стал сословно-корыстный интерес дворянства, который, образно говоря, как с цепи сорвался после петровского указа о единонаследии 1714 г. Указ придал поместьям владельческий статус вотчин. По мнению Б.Н. Миронова, Петр сделал это, чтобы подсластить пилюлю – указ вводил единонаследие, которое дворянству сильно не нравилось. Чтобы ослабить недовольство и примирить дворян с новым порядком великий реформатор, как полагает историк, и поднял статус поместий до вотчины [4, с. 380]. Все же служилый (обусловленный службой) статус поместий – слишком существенное обстоятельство с точки зрения вековых сословных оснований Российского государства, чтобы отказываться от него как-то походя, незаметно, просто продвигая новый порядок наследования. Нельзя не согласиться с оценкой А.Н. Медушевского: «Связь между владением и службой государству была впервые не обозначена законодательством, и это означало, что эта связь фактически уже не существует. Так это и было понято владельцами... В результате право владения землей оказалось не связанным обязательствами, оно стало правом собственности (а не пользования землями под условием выполнения обязательств перед властью)» [5, с. 30, 36]. Собственнический интерес массы дворян-помещиков в отношении земель и крестьян получил невысказанный прежде импульс и с тех пор во многом определял вектор эволюции России вплоть до начала XX в.

А.Г. Маньков изучил проект Уложения 1720–1725 г. – работа над ним велась в последние годы царствования Петра I – и обратил внимание на существенное обстоятельство, касающееся понимания законодателем владельческих прав помещиков в отношении крестьян. В Соборном уложении 1649 г. и в предыдущих проектах петровского царствования глава о крестьянах в структурном отношении занимает самостоятельное место. В проекте же Уложения 1720–1725 г. «крестьянская глава» органически включена в общую схему права, заимствованную из западноевропейского законодательства и положенную в основу всего уложения. Глава о крестьянах отнесена к разделу гражданского и гражданского права и входит в состав титула «О содержании добрых порядков и о владении собственностью». В первой статье главы дается общая формулировка крепостной зависимости: «Все старинные крепостные люди и по вотчинам и по поместьям и по иным всяким крепостям люди и крестьяне вотчинникам своим крепки и в таком исчислении, как о недвижимом имении положено» [6, с. 165]. Исследователь совершенно обоснованно трактует такую формулировку: юридически право помещиков на крестьян отождествлено с правом на недвижимую собственность [6, с. 165]. Конечно, законом этот проект не стал, но, думается, эта формулировка адекватно отражает уже сложившееся представление и государства, и дворянства о владельческих правах помещиков в отношении крестьян своего имения как, по сути, собственническое.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В свое время В.О. Ключевский возражал против собственнического истолкования владельческих прав помещика в отношении земли и крестьян. Помещик, как утверждал историк, не является простым частным землевладельцем, а его земля – простой гражданской собственностью: «Имение русского помещика, населенное прикрепленными к земле крестьянами, никогда не было простой полной собственностью на гражданском праве» [7, с. 44]. В.О. Ключевский акцентировал отягощенность земле- и душевладения сословно-государственными обязанностями. Помещики даже после указа о единонаследии и отмены обязательной службы владели землей и крестьянами не на гражданском, а на «политическом» праве. Обязанности перед государством не только не были сняты с землевладельцев, но, напротив, еще больше усложнились после первой ревизии податной и административно-полицейской ответственностью за «ревизские души». Манифест 18 февраля 1762 г. о вольности дворянской снял с дворян-землевладельцев «служебную, военную повинность, но повинности правительственные, обязанности по управлению крепостными и их продовольствию и призрению, как и ответственность за них в известных отношениях, не были ослаблены...» [7, с. 40]. На наш взгляд, именно последнее обстоятельство свидетельствует о том, что государство, похоже, совсем не рассматривало обязанности помещиков по сбору подушной подати как разновидность государственной службы, поскольку в 1762 г. обязательность дворянской службы была отменена, а обязанности по сбору подушных денег и поставке рекрутов никто и не думал отменять, они остались обязательными. Но так или иначе, по В.О. Ключевскому, помещик не столько собственник, сколько управленец. С этим утверждением следует посчитаться и в известной мере согласиться. Конечно, и вотчина, и поместье – это формы феодального частного землевладения. А специфика феодального землевладения заключается именно в нерасчлененности (слитности)

собственности на природные факторы труда и власти над работниками. В.О. Ключевский и сам подчеркивает эту слитность, когда пишет, что в лице помещика гражданское право земельной собственности слилось с обязанностями правительственного агента [7, с. 41]. Рабовладельческая и феодальная собственность выступает как «естественно возникшее господство» (К. Маркс), как отношения непосредственного господства-подчинения. Феодальный землевладелец всегда располагал известной долей государственной власти над зависимым от него населением. М.М. Богословский, описывая быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в., не случайно подметил, что крупная или средняя дворянская вотчина становится чем-то вроде небольшого государства, маленькой копией с большого оригинала [8]. Собственническое отношение в этом смысле акцентирует меру автономии владельца земли и душ от государственной власти. И понятно, что вотчина, не связанная с государственной службой непосредственно и передаваемая по наследству с максимально допустимой степенью самостоятельности, представляется куда более «собственнической», чем поместье. Именно в этом контексте петровская «вотчинизация» поместий сродни приватизации, и в этом смысле мы говорим о собственническом интересе дворянства, о резком стимулировании собственнического представления о характере и объеме владельческих прав помещика и в отношении земли, и в отношении крестьян. Кроме того, следует, принимать во внимание и контекст «европеизации» русского дворянства в XVIII в., а он, так или иначе, предполагал усвоение уже практически сложившегося на Западе либерально-буржуазного представления о частной собственности, что на самых ранних стадиях зафиксировал А.Г. Маньков.

В этой связи заслуживает поддержки и развития еще одно важное суждение А.Н. Медушевского: сохранение обязанности дворян служить в условиях, когда их владельческие права на землю и крестьян с этим уже никак не связаны и относительно гарантируются государством, не могло не породить сословного интереса – во что бы то ни стало избавиться от этой обязанности. Избавление от этой обязанности, справедливо отмечает исследователь, и стало главным мотивом давления земельных собственников на власть. А.Н. Медушевский особо подчеркивает, что в XVIII в. было постепенно изжито преобладание государственных интересов над сословными (выражавшееся в обязательстве сословия нести службу) [5, с. 35]. Это очень важное положение, которое считаем необходимым даже несколько усилить: именно в результате преобразований Петра Великого сложились социально-политические условия для долгосрочного преобладания сословно-корыстного интереса дворянства над общегосударственными. Верховная власть оказалась в доселе небывалой зависимости от «благородного сословия» и не могла себе позволить не считаться в решающей мере с его интересами. А Б.Н. Миронов четко указал на механизм, который в условиях введенного Петром порядка престолонаследия обеспечил преобладание сословного дворянского интереса над государственными на протяжении последующих трех четвертей столетия. В гвардейских полках служил цвет российского дворянства, и, соответственно, гвардия объективно выражала запросы всего сословия. В гвардии формировалось и культивировалось дворянское самосознание, которое из гвардейских полков распространилось на все российское дворянство. Участие гвардии в переворотах повысило ее престиж и усилило влияние на государственные дела, что одновременно подняло на небывалую высоту и значение всего дворянства [4, с. 85].

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Механизм поместных верстаний под обеспечение дворянской службы был свернут, но Петр I инициировал практику раздачи (пожалования) земель с крестьянами видным сановникам за особые заслуги. Петром было роздано 170 тыс. душ обоего пола, его ближайшими преемниками (в 1726–1740 гг.) – 230 тыс., Елизаветой Петровной – 200 тыс. [9, с. 136]. Елизавета Петровна 31 декабря 1741 г. возвела в дворянство с наделением землей гвардейскую роту Преображенского полка в составе 364 человек, оказавшую ей поддержку при занятии престола [10, с. 277]. Такие пожалования производились не только за счет раздачи земель с государственными крестьянами, но и имений, конфискованных у опальных вельмож. Так, Е.И. Индова отмечает, что из общего числа 170 986 душ, розданных в первой половине XVIII в. только 23 748 душ были выделены из государственного фонда, остальные поступили из конфискованных имений [10, с. 279]. По данным Б.Н. Миронова, общее число помещиков в петровское царствование увеличилось более чем в три раза, а причиной – щедрые пожалования земель и крестьян из государственного фонда [4, с. 90]. Надо только учесть, что конфискованные имения в известном смысле тоже можно рассматривать как земли из государственного фонда.

В послепетровскую эпоху дворянство при максимальной поддержке самодержавия устремилось по пути агрессивного наращивания сословных привилегий и постепенного сворачивания обязательной государственной службы. Законодательство последовательно облегчало дворянам условия прохождения службы. Указ 1727 г. разрешал отпускать две трети офицеров и рядовых из числа дворян-землевладельцев в их имения на три года для поддержания хозяйства в порядке [11, с. 684]. Впервые за несколько десятилетий дворянство получило возможность отдыха от тягостной службы, помещики, армейские офицеры, стали чаще бывать в длительных отпусках в своих деревнях и лучше присматривать за своими крепостными. В 1736 г. Анна Иоанновна удовлетворила требования дворянских проектов 1730 г. и отменила бессрочную дворянскую службу. Срок обязательной службы дворянина был ограничен 25 годами, что, по оценке С.М. Соловьева, составило эпоху в истории русского дворянства в первой половине XVIII в. [12, с. 456-457]. Кроме того, императрица освободила одного из нескольких сыновей или братьев в семье от службы для управления имением и определила возраст поступления на службу в 20 лет. В 1740 г. дворянам был разрешен выбор между военной и гражданской службой [11, с. 684]. В 1731 г. был учрежден Шляхетский кадетский корпус, «... дабы шляхетство (Дворянство. – Прим. авт.) от малых лет к воинскому делу в теории обучены, а потом и в практику годны были» [12, с. 220], обучение в котором освобождало дворян от тяжелой службы в качестве простых солдат и матросов. После окончания этого учебного заведения дворянские недоросли получали офицерские чины. При Анне Иоанновне вошло в практику записывать в службу малолетних детей, так что к 20 годам они могли получать офицерский чин по выслуге [4, с. 377–378].

Особый интерес представляет послепетровское законодательное регулирование владельческих прав помещиков. Указом Анны Иоанновны в 1731 г. будет отменено единонаследие, но подтвержден статус прежних поместий как недвижимого имения на вотчинном праве. А по указу 1736 г. недвижимые имения стали делить на «родовые» и «благоприобретенные». Под благоприобретенным имением понималось все, что было получено не по праву наследования [1, с. 179]. Послепетровское законодательство закрепляло монопольное право дворян владеть как населенными, так и ненаселенными имениями. Указом 1730 г. дворовым, монастырским слугам и всем крестьянам запрещалось приобретать недвижимую собственность. Указ 1746 г. распространял этот запрет на купечество, казаков, ямщиков и «разночинцев», а также предписывал отобрать у посадских людей крестьян, купленных после первой ревизии. Межевая инструкция 1754 г. запрещала всем недворянам владеть населенными имениями. А по указу 1758 г. все недворяне должны были в полугодовой срок продать свои недвижимые имения [9, с. 136].

Серия указов усиливала власть помещика над крестьянами. Указом 1727 г. на помещиков была возложена ответственность за исправную уплату подушной подати и поставку рекрутов. Позднее, с упразднением института земских комиссаров, помещик становился единственным сборщиком подушных денег со своих крестьян [13, с. 37]. Подать собиралась с крестьян и вносилась в казну самим помещиком или его приказчиком. Если раньше крепостным для пополнения войска разрешалось поступать в солдаты, то теперь запрещался уход в рекруты без согласия владельца. Указ 1747 г. предоставлял помещикам право покупать дворовых для отдачи в рекруты, а также продавать кому угодно для этой цели своих крестьян. Указ 1760 г. предоставил помещикам право ссылать своих крепостных «за дерзостные поступки» в Сибирь (ежегодно ссылались несколько тысяч крестьян). При этом помещик за каждого сосланного крестьянина получал рекрутские квитанции и имел право оставлять у себя детей ссылаемых крестьян. Помещикам было предоставлено право сдавать неугодных им крестьян в рекруты в счет будущих рекрутских наборов вне очереди [9, с. 136]. При вступлении на престол императрицы Елизаветы Петровны в конце ноября 1741 г. помещичьи крестьяне были отстранены от присяги – присягу за них приносили их помещики. И такая практика продолжалась вплоть до вступления на престол Павла I. Следует по достоинству оценить многозначительность такой меры для дворянства: помещичьи крестьяне символически как бы выводились из непосредственного подданства императору Всероссийскому. Сама верховная власть демонстративно акцентировала их статус как почти холопский.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Позорнейшим явлением русской истории, наиболее наглядно свидетельствующим именно о собственническом характере владельческих прав помещиков в послепетровскую эпоху стала продажа крестьян без земли. Конечно, нельзя отрицать, что такие факты отмечаются и в последние десятилетия XVII в.,

но законодательно такое допускалось только в отношении вотчинных, а не поместных крестьян [13, с. 34]. С переводом поместий в статус вотчин и, главное, с включением холопов в подушный оклад после первой ревизии практика продажи крестьян без земли получила немыслимый прежде размах. «Ревизская душа», в отличие от тяглового крестьянина, не связывалась с земельным наделом и хозяйственным двором, вроде как не «крепка» земельному наделу и дворовой оседлости. В 1721 г. Петр I распорядился изучить вопрос о запрете продажи крестьян без земли, однако, новое Уложение, в котором предполагалось прописать эту норму, так и не было составлено, и розничная торговля крестьянами стала набирать обороты. Не возымел действия и петровский указ 1721 г. о запрещении продавать крестьян, разлучая семьи [4, с. 388]. К середине столетия эта практика стала настолько обычной, что объявления о продаже крепостных стали публиковаться в газетах на тех же страницах, где были объявления о продаже борзых собак и т.п. По данным Б.Ю. Тарасова, при Елизавете Петровне, в 1740–1750-е гг. средняя цена «души» в Российской империи равнялась тридцати рублям [3, с. 171]. Историк полагает, что возможность продажи крестьянина без земли и с разделением семейства это бесспорное свидетельство уже не крепостной зависимости, а рабского состояния. А Б.Н. Миронов объективности ради напоминает, что помещикам все же запрещалось разорять, мучить и убивать своих крестьян под угрозой взятия имения в опеку [4, с. 388].

С.М. Соловьев в своей многотомной «Истории России с древнейших времен» в главе, посвященной первому году царствования императрицы Елизаветы Петровны приводит характерные сообщения о крестьянских челобитных: «Крестьяне подмосковной деревни Мамотовой подали императрице челобитную на помещика своего Иевлева, что живет он недобропорядочно, держит наложницу, одного купца жену, и их по науке ее разоряет, бьет и мучит напрасно; от такого разорения многие люди разбежались и подушных денег платить некому. Крестьяне сельца Бачурина Московского уезда просили на помещика своего Ладыженского в разорении и смертных убийствах. Сенат приказал рассмотреть и решение учинить по указам, а по указам таких помещиков удаляли от управления крестьянами» [14, с. 151]. Нельзя не признать общим мнением в российской историографии: со второй четверти XVIII в. помещичий крестьянин фактически стал полной собственностью помещика, который мог отнять у него все его имущество, а его самого с семьей или отдельно от нее продать, заложить, подарить [10, с. 136].

Как справедливо отмечает Б.Ю. Тарасов, печально знаменитая богатая помещица Дарья Салтыкова, в отношении которой в 1762 г. Екатерина II санкционировала следствие, конечно, была «извергом рода человеческого», но отнюдь не являлась изгоем в среде русского дворянства того времени. Российская власть, начиная с Петра, превратив помещичьих крестьян в «крещеную собственность», практически сама создала возможности для безнаказанного беспредела в их отношении со стороны владельцев. По свидетельству очевидцев, оглядев тело истерзанной после пыток очередной жертвы, Салтычиха обратилась к окружавшим ее в молчании слугам то ли с торжеством, то ли с угрозой в голосе: «Никто ничего сделать мне не может!». Следствие признало ее несомненно виновной в убийстве 38 человек и «оставило в подозрении» относительно ее виновности в гибели еще 26 человек [3, с. 8–9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не приходится удивляться тому, что такая политика усиления владельческих прав помещиков породило крестьянское сопротивление. По данным В.В. Мавродина, за 30–50-е гг. XVIII столетия в Московской, Нижегородской, Белгородской, Воронежской, Казанской, Новгородской и Архангельской губерниях имели место 37 восстаний помещичьих крестьян. Примерно половина этих восстаний была обусловлена тяжелым хозяйственным положением крестьян и полной невозможностью выполнять непосильные повинности в пользу помещика и государства. Другая половина была спровоцирована ситуацией передачи поместья от одного владельца к другому или из «отписанных на государя» владений новому помещику. В этом сказывалось традиционное представление крестьян о том, что они «крепки» только одной дворянской фамилии, а при прочих раскладах их надо возвращать в исконное состояние «крепости» государю [15]. Но в целом историческое значение петровской и послепетровской политики резкого усиления владельческих (собственнических) прав дворян на земли и на личность крестьянина видится прежде всего в накоплении мощного конфликтного потенциала в российском обществе на долговременную перспективу. Заложённая Петром I и его ближайшими преемниками «мина замедленного действия» в межсословных отношениях поместного дворянства и зависимого от него крестьянства рванет в начале XX в. и породит великую крестьянскую революцию в России.

Библиографический список

1. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России: *Социально-экономические проблемы: монография*. М.: Мысль; 1980. 342 с.
2. Чистяков О.И. (ред.) *История отечественного государства и права: учебник*. Ч. 1. М.: Изда-во МГУ; 1992. 335 с.
3. Тарасов Б.Ю. *Россия крепостная. История народного рабства*. М.: Вече, 2020. 288 с.
4. Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства*. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин; 1999. 548 с.
5. Медушевский А.Н. *Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века*. М.: Наука; 2005. 639 с.
6. Маньков А.Г. Крепостное право и дворянство в проекте Уложения 1720–1725 гг. В кн.: Павленко Н.И. (ред.) *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука, 1975. С. 159–180.
7. Ключевский В.О. *Сочинения*. В 9 т. Т. 8. Под ред. В.А. Янина. М.: Мысль; 1990. 445 с.
8. Богословский М.М. *Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII века*. http://dugward.ru/library/bogoslovskiy_m_m/bogoslovskiy_byt_i_nnavy.html?ysclid=l6vxbf8nts69973327 (дата обращения: 14.08.2022).
9. Янин В.Л. (ред.) *Отечественная история: энциклопедия*. В 5 т. Т. 3: К–М. М.: Большая Российская энциклопедия; 2000. 623 с.
10. Индова Е.И. К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период. В кн.: Павленко Н.И. (ред.) *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М.: Наука, 1975. С. 272–292.
11. Янин В.Л. (ред.) *Отечественная история: энциклопедия*. В 5 т. Т. 1: А–Д. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. 688 с.
12. Соловьев С.М. *Сочинения*. В 18 кн. Кн. 10. *История России с древнейших времен*. Т. 19–20. Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль. 1993. 751 с.
13. *История крестьянства России до 1917 г.* Т.3. М.: Наука, 1993. 664 с.
14. Соловьев С.М. *Сочинения*. В 18 кн. Кн. 10. *История России с древнейших времен*. Т. 21–22. Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. 620 с.
15. Мавродин В.В. *Рождение новой России*. <https://history.wikireading.ru/331859?ysclid=l6w0px7sgs982783408> (дата обращения: 14.06.2022).

References

1. Buganov V.I., Preobrazhensky A.A., Tikhonov Yu.A. *Evolution of Feudalism in Russia: Socio-economic problems: monograph*. Moscow: Mysl; 1980. (In Russian).
2. Chistyakov O.I. (ed.) *History of the national state and law: textbook*. Part 1. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1992. (In Russian).
3. Tarasov B.Yu. *Russia serfdom. The history of popular slavery*. Moscow: Veche; 2020. (In Russian).
4. Mironov B.N. *Social history of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century) The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law. In two volumes. Volume 1*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin; 1999. (In Russian).
5. Medushevsky A.N. *Projects of agrarian reforms in Russia: XVIII – the beginning of the XXI century*. Moscow: Nauka; 2005. (In Russian).
6. Mankov A.G. Serfdom and nobility in the draft Code of 1720–1725. In: Pablenko N.I. (ed.) *Nobility and serfdom of Russia 16–18 centuries*. Moscow: Nauka; 1975. P. 159–180. (In Russian).
7. Klyuchevsky V.O. *Essays*. In 9 vols. Vol. 8. Yanin V.L. (ed.). Moscow: Mysl; 1990. (In Russian).
8. Bogoslovsky M.M. *The life and customs of the Russian nobility in the first half of the 18 century*. http://dugward.ru/library/bogoslovskiy_m_m/bogoslovskiy_byt_i_nnavy.html?ysclid=l6vxbf8nts69973327 (accessed 08.14.2022).
9. Yanin V.L. (ed.) *Russian history: Encyclopedia*. In 5 vols. V. 3: K–M. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2000. (In Russian).
10. Indova E.I. On the question of noble property in Russia in the late feudal period. In: Pavlenko N.I. (ed.) *Nobility and serfdom of Russia 16–18 centuries*. Moscow: Nauka; 1975. P. 272–292. (In Russian).
11. Yanin V.L. (ed.) *Russian history: Encyclopedia*. In 5 vols. V. 1: A–D. Moscow: The Great Russian Encyclopedia; 1994. (In Russian).
12. Solovyov S.M. *Essays. In 18 books. Book 10. The History of Russia since ancient times*. Vols. 19–20. Kovalchenko I.D., Dmitriev S.S. (ed.). Moscow: Mysl; 1993. (In Russian).
13. *The History of the peasantry of Russia before 1917*. Vol. 3. Moscow: Nauka; 1993. (In Russian).
14. Solovyov S.M. *Essays. In 18 books. Book 10. The History of Russia since ancient times*. Vols. 21–22. Kovalchenko I.D., Dmitriev S.S. (ed.). Moscow: Mysl; 1993. (In Russian).
15. Mavrodin V.V. *The birth of a new Russia*. <https://history.wikireading.ru/331859?ysclid=l6w0px7sgs982783408> (accessed 14.06.2022).